

Виктория Шнайдер  
Екатерина Мелкова



МУЖИК.  
ЧАЙНАЯ ГОРА  
НА ДВОИХ

Екатерина Мелкова

**Мужик. Чайная гора на двоих**

«Автор»

«Автор»

2026

**Мелкова Е.**

Мужик. Чайная гора на двоих / Е. Мелкова — «Автор»,  
«Автор», 2026

Она — столичная чайная королева, потерявшая всё. Он — суровый горец, для которого земля священна. Евгения приезжает на Кавказ за легендарным сортом, а попадает в эпицентр войны с рейдерами. Руслан не отдаст врагам ни куста, ни сердца. Их встреча — как удар молнии. Но чтобы спасти реликтовые террасы и обрести любовь, им придётся пройти через обвалы, поджоги и смертельные схватки. Страстный роман о чувстве, которое сильнее горных вершин и человеческой жадности.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Гора слабины не прощает  | 6  |
| Глава 2. Щипок ястреба            | 9  |
| Глава 3. Под моей крышей          | 13 |
| Глава 4. Серебряный Ключ          | 17 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 18 |

# **Виктория Шнайдер**

## **Мужик. Чайная гора на двоих**

Мужик. Чайная гора на двоих

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

## Глава 1. Гора слабину не прощает

Я уперлась каблуком в мокрый камень, прижала саквояж к боку и потянулась за выступом. Глина чавкнула под подошвой. До усадьбы оставался последний подъем. Я выбрала следующий камень и шагнула выше.

Сплошная белесая стена кавказского тумана плотно смыкалась вокруг меня; колючая сырая взвесь оседала на ресницах, а размытый склон уходил под подошвами в молочный морок. На высоте шестисот метров над уровнем моря горный мир растворялся в густой пелене: плотные струи сырости окутывали скалы, под ногами чавкала тяжелая, жирная рыжая глина, удерживающая тепло весенней земли.

Мои городские ботильоны из тонкой кожи насквозь промокли еще час назад. Они беспомощно скользили по размытому грунту, превращая каждый шаг в мучительную борьбу за равновесие. Пальто из бежевого кашемира набрякло сыростью, оттягивая плечи чугунной тяжестью, но я упрямо шла вперед, прижимая к груди жесткий саквояж с набором титестера — стеклянными бюксами, фарфоровыми гайванями и серебряным пинцетом наставника.

Арендованный старый «Дастер» остался далеко внизу, у подножия хребта Ажек. Из пробитого об острый сланец радиатора вытек антифриз; водитель заглушил мотор посреди серпантина, оставив меня одну в диком ущелье реки Мацеста. Сочинец наотрез отказался подниматься пешком, буркнув что-то о шальных оползнях и сумасшедших отшельниках на плантациях.

Я сверилась с сохраненной картой и пошла выше: там, за последним поворотом, начинались посадки Соколовых.

В Москве за моей спиной рушились три независимых чайных клуба, в которые я вложила семь лет жизни и все сбережения. Крупная партия сырья из Шри-Ланки, купленная через недобросовестного брокера, оказалась подделкой — крашеной химической пылью, непригодной даже для дешевых чайных пакетиков. Долги перед инвесторами росли с каждым днем, арендодатели прислали досудебные претензии, а столичные рестораторы насмешливо перешептывались за моей спиной. Мне нужен был исключительный, недостижимый по качеству сорт, способный взорвать рынок и спасти сеть. Единственная ниточка вела сюда, в заброшенные отроги Мацестинских круч, где по архивным слухам еще жили реликтовые посадки легендарной советской «Колхиды» тридцать восьмого года.

Воздух вдруг изменился. Сквозь запах сырого мха и прели пробилась острая, смолистая нота дикого каштанового меда, нагретой хвои и свежесорванного чайного листа. Я ускорила шаг, подалась вперед, силясь разглядеть сквозь белесую пелену ворота усадьбы или хотя бы намеки на ограду.

Это стало роковой ошибкой.

Правая нога наступила на обманчивый край насыпи. Пласт рыхлой сланцевой глины с глухим чавканьем срезался и ухнул в пустоту. Земля мгновенно ушла из-под подошв. Мое тело накренилось над шестидесятиметровым отвесным обрывом, на дне которого в тумане с ревом разбивалась о камни бешеная горная река.

Из горла вырвался лишь сдавленный хрип ужаса. Пальцы судорожно вцепились в ручку саквояжа, гравий брызнул в бездну, перед глазами закружилась серая муть...

И в эту долю секунды из тумана вырвалась широкая, огрубевшая мужская ладонь.

Стальные пальцы намертво сомкнулись на моем тонком запястье. Рывок был настолько мощным и слитным, что саквояж ударился о камни, тело дернулось вверх, и через мгновение меня впечатало в широкую, твердую, как гранитная скала, мужскую грудь.

— Куда летишь, москвичка? — пророкотал над моим ухом низкий, вибрирующий голос. — Здесь летать только воронам положено.

Я судорожно втянула воздух, задыхаясь от бешеного колотья сердца. Лоб упирался в плотную мокрую ткань грубой фланелевой рубашки. От мужчины пахло можжевельником, горьким дымом костра, ледяной родниковой водой и терпким, свежесорванным чайным листом. Этот первобытный, чисто мужской запах заставил меня на секунду оцепенеть.

Он держал меня за талию одной рукой легко, словно пушинку, восстанавливая мое равновесие на узком скальном карнизе. Когда туман на миг расступился, я разглядела великана: покатые плечи десантника, тяжелый волевой подбородок с трехдневной темной щетиной и янтарно-карие глаза с насмешливым прищуром хищной птицы.

— Руслан Соколов? — выдохнула я, осторожно высвобождаясь из его хватки. Колени предательски дрожали.

Он медленно оглядел меня с головы до ног, задержавшись взглядом на перепачканных грязью ботильонах, тонких щиколотках и шелковом шарфе, сбитом набок. В уголках его жестких губ дернулась снисходительная усмешка.

Соколов протянул руку к дикому кусту у скалы, сдернул двумя пальцами молодой побег с рубиновым отливом, с силой растер листья между огрубевшими ладонями, потемневшими от чайного сока, и сунул пахнущую зеленую руку мне прямо под нос:

— Зачем шею ломаешь на моих кручах? Ну давай, столичная штучка. Назови сорт по запаху за три секунды. Или поворачивай обратно к своему такси. Время пошло.

Обида и профессиональная гордость обожгли меня горячей волной. Я упрямо смотрела ему в глаза. Сделала шаг вплотную, почти коснувшись носом его широкой ладони, прикрыла глаза и медленно, глубоко вдохнула растертую чайную плоть. Я разделяла ноты одну за другой: мед, древесина, сухофрукты.

— Высокогорная «Колхида». Та самая старая посадка, которую я искала по архивам, — четко, отдельно произнесла я, открывая глаза и глядя ему прямо в зрачки. — Весенний сбор, туманный лист. В архивных описаниях — кислые сланцевые почвы с включениями железняка. В верхнем регистре — сушеный чернослив и каштановый мед. В базе — дикая лесная груша и кора дуба. Покажите план посадок — проверим.

В янтарных глазах Соколова на миг мелькнуло неприкрытое изумление. Он медленно стряхнул зеленую кашицу с пальцев, но усмешка осталась холодной:

— Книжек ты начиталась знатно, дева. Только дегустировать в кондиционированном зале из фарфоровых чашек — это одно. А на этих кручах за каждый грамм листа спину в три погибели ломают. Ты здесь и получаешь под солнцем не выдержишь.

— Я приехала работать, а не красоваться, — отрезала я и достала из саквояжа плотную белую папку. — Я Евгения Северская. Моя сеть предлагает выкуп всего весеннего объема по тройной рыночной стоимости. Вот предварительное письмо банка о кредитной линии на двенадцать миллионов рублей. Деньги дадут под контракт на качественный чай. Давайте обсудим поставку.

Руслан отвел мою руку тыльной стороной ладони:

— Засунь свои миллионы в печку, Евгения. На этой горе чай не продается за бумажки. Здесь лист принадлежит тем, кто полил его собственным потом.

Он развернулся и ногой подтолкнул ко мне стоящую под навесом скалы тяжелую плетеную бамбуковую корзину с жесткими брезентовыми лямками:

— Хочешь доказать, что знаешь цену листу? На четвертом ярусе идет сбор. Соберешь до полудня пять килограммов отборного весеннего флеша высшей категории без единого сорного стебля — поговорим. Нет — пойдешь вниз пешком.

Из бревенчатой сторожки, опираясь на кизилковую палку, вышел кряжистый старик с белой окладистой бородой и выпуклыми глазами:

— Руслан, ошалел?! Девка городская, на первой же полке шею свернет! Кому отвечать, если сорвется? Гони ее вшаей!

— Я десять лет провела на чайных плантациях Юньнани и Шри-Ланки, дедушка, — твердо сказала я старику, показав ладони с мозолями от сортировочных сит. — Я знаю куст и не упаду. Дайте мне шанс.

Дед прищурился, хмыкнул в густые усы и неохотно отступил:

— Ишь, зубастая... Ну, коли шею свернешь — сама виновата будешь.

Я оставила пальто и саквояж в сторожке, поправила хлопковую рубашку и попыталась сама натянуть грубую упряжь корзины, но ремни перекрутились, больно врезаясь в ключицы. Руслан подошел со спины. Его горячие ладони опустились на мои плечи. Одним движением он расправил жесткий брезент, подгоняя лямки под мою фигуру. Его пальцы на секунду задержались у основания моей шеи, обжигая обнаженную кожу. Его дыхание коснулось моих волос, а низкий голос прозвучал прямо у виска:

— Корзину держи бедрами. Спину не горби. И главное, Женя... никогда не смотри вниз. Гора слабины не прощает.

Теплая дрожь пробежала по позвоночнику от этого прикосновения. Я перехватила ремни, сжала зубы и сделала первый шаг по крутой каменистой тропе к облакам.

С каждым шагом рубашка липла к спине; к верхним кустам я добралась уже разгоряченная.

На верхней террасе уже щелкали пальцы сборщиц. Я заняла место рядом с ними — теперь они увидят, чего стоит столичная штучка.

## Глава 2. Щипок ястреба

Я перехватила лямки корзины и протиснулась между кустами, выбирая место для следующего щипка.

К десяти часам утра туман окончательно сгорел под лучами яростного кавказского солнца. Зеленый амфитеатр чайных террас уходил полукруглыми ступенями вверх под сумасшедшим углом в сорок пять градусов. Снизу плантация казалась бархатной и мирной, но здесь, на круче, она была настоящей вертикальной каменоломней.

Я стояла на узком карнизе шириной едва ли в полметра. Под подошвами осыпался мелкий сланец, с сухим шелестом улета в бездну ущелья. Воздух звенел от сухого зноя, пахло смолистым дурманом, нагретой землей и пчелиным воском.

Спину ломило так, будто по позвоночнику били палками. Каждое движение давалось с боем: левой рукой я судорожно цеплялась за одеревеневшие ветви кустов, а правой — выискивала молодые типсы. За последние два года я больше сидела над договорами, чем собирала чай. Кожа на подушечках пальцев быстро лопнула; жесткие стебли безжалостно резали плоть, ранки сочились сукровицей, а едкий чайный сок жег содранную кожу до слез.

Я сдернула с шеи шелковый платок, наскоро обмотала им основание ладони и упрямо продолжала сбор. Но за первый час на дне глубокой бамбуковой корзины едва набралось граммов триста. Солнце поднималось к зениту, грозя пересушить нежнейшие эфирные масла на верхушках побегов, а я двигалась непозволительно медленно.

Шорох тяжелых шагов по осыпи заставил меня вздрогнуть. Руслан поднялся по отвесному склону легко и пружинисто, сразу выбирая выступы для опоры.

Подойдя вплотную, он перехватил мою правую руку прямо в воздухе над кустом:

— Ты что творишь, москвичка? Ты ногтем стебель давишь! Сок сочится в рану побега, лист начнет окисляться прямо в корзине, не доехав до сушилки! Ты урожай гроишь!

— Я собираю стандартный двухлистный флеш! — огрызнулась я, пытаюсь вырвать онемевшую кисть из его стальных пальцев. — Не учи меня анатомии листа!

— Чай чувствовать надо, а не умом мерить, — глухо бросил он.

Руслан повернул мою кисть ладонью вверх и шагнул вплотную, встав прямо за моей спиной. Его мощный, раскаленный солнцем торс прижался к моим лопаткам, выбивая воздух из легких. Широкая шершавая ладонь накрыла мои израненные пальцы, заставляя расслабить сведенную судорогой кисть.

— Смотри сюда, — его голос стал неожиданно тихим, бархатным, отдаваясь глубокой вибрацией прямо в моей груди. — Пальцы лодочкой. Подушечки мягкие, как лепесток. Вот так. Это дедовский прием — «щипок ястреба». Не рвать, не тянуть. Поддеваешь снизу, скручиваешь по спирали жилки... Слышишь легкий щелчок?

Его пальцы повели мою руку. Легкое, почти невесомое спиральное движение — и в моей ладони оказались два изумрудных листочка со стрелкой почки, целые и упругие. Черешок остался совершенно сухим.

— Еще раз, — прошептал он у самого моего уха.

Мы сделали еще одно движение, затем третье. Его близость оглушала. Я физически ощущала жар его тела, мерный ритм его дыхания, стальную силу бедер, удерживающих меня на узком карнизе. В этом слитном движении жила первобытная, пьянящая чистота совместного труда.

— Поняла? — Руслан медленно убрал руки, словно нехотя разрывая контакт.

— Поняла, — с трудом сглотнув, ответила я. Щеки пылали жарче полуденного солнца.

— Тогда работай. На соседней террасе женщины уже ставки делают, когда ты свалишься.

На соседнем ярусе действительно работали сборщицы во главе с дородной смуглой Заремой. Они переговаривались на адыгейском языке, с насмешливым прищуром поглядывая на мою тонкую фигуру.

Во мне вскипело яростное, упрямое самолюбие.

Я сделала глубокий вдох, восстанавливая внутренний ритм, и вошла в состояние абсолютной концентрации. «Щипок ястреба». Щелк, щелк, щелк. Зеленые стрелки сыпались через плечо в корзину непрерывным дождем. Я перестала замечать палящий зной, боль в израненных пальцах и гудящие мышцы ног. Существовал только куст, жилка листа и аромат сока.

Смех на соседней террасе стих. Женщины замерли, с изумлением наблюдая, как столичная гостья, которую они считали белоручкой, наполняет тяжелую корзину быстрее опытных станичников.

Я дошла до края верхнего яруса. Впереди, на самом обрыве над головокружительной пропастью, рос старый куст с редкими крупными побегами золотистого оттенка. Я осторожно потянулась вперед, носок ботинка нащупал опору на белом сланцевом уступе...

Сухой хруст сланца под ногой прозвучал как выстрел.

Опорный пласт под правой ступней внезапно подломился, осыпаясь мелким острым щебнем. Тяжелая, до краев наполненная сбором корзина за спиной мгновенно нарушила баланс и потянула меня вниз по отвесной осыпи — прямо на нижний скальный уступ с торчащими гранитными зубьями. Еще миг — и я рухну с двухметровой высоты на острые камни, переломаю лодыжку и в пыль раздавлю драгоценный, бережно собранный урожай.

— Держись! — рявкнул Руслан.

Он метнулся ко мне в одно слитное, молниеносное движение. Перехватив ремень падающей корзины железной левой рукой, правой он намертво обхватил меня поперек ребер, уперся тяжелым кованым ботинком в корневище векового чайного куста и буквально вырвал меня из сыпучего обвала.

Инерция срыва была бешеной, гравий заскользил из-под подошв, но Соколов устоял.

Он прижал меня к себе, удерживая на краю осыпи. Я судорожно вцепилась в его плечи, чувствуя узлы стальных мышц под фланелью. Лицо Руслана было в сантиметре от моего. Тяжелое прерывистое дыхание обжигало губы, янтарные глаза потемнели от бешеного мужского азарта и тревоги за меня. Секунду казалось, что он прильнет к моим губам прямо здесь, на границе террасного уступа, и этот порыв казался неизбежным, как горный обвал. Но Соколов с глухим выдохом переставил ногу на твердый выступ и одним мощным рывком вытянул нас обоих на безопасную дерновую тропу.

Мы осели на траву под раскидистым каштаном. Я заглянула в поставленную рядом корзину: верхний слой побегов лежал рыхло, листья сохранили форму. Прижала ладонь к плетеному боку и наконец выдохнула.

— Ты сумасшедшая, Северская, — хрипло выдохнул он, стирая пот со лба.

— Зато лист цел, — с трудом улыбнулась я пересохшими губами.

Внизу, во дворе, дед Макар зацепил мою корзину крюком тяжелого безмена. Стрелка замерла; дед вычел вес тары и только потом высыпал сырье на широкое бамбуковое сито. Его пальцы придирчиво ворошили зеленую гору, выискивая сор и сломанные листья.

— Шесть килограммов пятьсот граммов, — медленно, с расстановкой произнес старик и поднял на Руслана ошеломленный взгляд. — Чистый флеш. Лист целый, сухой на срезе. Экстра-класс.

В толпе женщин пронесся восторженный выдох.

Зарема молча подошла ко мне, протянула чистый влажный льняной платок с ароматом лаванды и коротко, веско кивнула:

— Ты добрая работница, девочка. Наша гора тебя приняла.

Ноги подогнулись от накотившей усталости. Руслан зачерпнул ледяной воды из родника в тяжелую глиняную кружку, опустил ее передо мной на корточки и бережно накрыл мои дрожавшие пальцы своими теплыми руками, помогая напиться.

— Ты выстояла, Женя, — тихо сказал он. В его янтарных глазах светилось глубокое, неподдельное уважение. — Теперь этот чай по праву твой.

После глотка воды я смогла подняться. До вечера оставалось несколько часов — Руслан собирался проверить верхние посадки.

Солнце медленно клонилось к скалистым зубцам перевала, окрашивая хребет Ажек в густые багряные и медные тона. Жара спала, уступив место вечерней горной прохладе.

После взвешивания я осталась с Заремой на сортировке. К вечеру мы с Русланом поднялись на верхнюю тропу проверить кусты; я машинально коснулась нагрудного кармана рубашки.

Внутри все оборвалось. Карман был расстегнут и пуст.

Мой титестерский пинцет из серебра высшей пробы — реликвия, подаренная наставником Мастером Ваном в Уишане, — исчез. На тонких щечках инструмента была выгравирована даосская формула гармонии листа и воды. С этим пинцетом я выигрывала европейские кубки, с ним открывала свои чайные клубы. Потерять его здесь казалось дурным знаком. Я мгновенно вспомнила: на верхней террасе я убрала пинцет в карман, чтобы освободить кисть. При срыве клапан зацепился за ветку и расстегнулся.

Пока сборщицы весело спускались по главной дороге, я незаметно свернула на заброшенную боковую тропу, огибавшую верхний цирк террас.

Колючая ежевика рвала брюки и царапала щиколотки, но я упрямо шла вперед. Вдруг тропа уперлась в каменную стену, заросшую терновником и реликтовым самшитом. Однако из узкой трещины между скалами тянуло плотным, удивительно теплым потоком воздуха с ароматом магнолии, дикого мускуса и смолистого чернослива.

Раздвинув колючие ветви, я протиснулась в лаз и замерла в благоговейном шоке.

Передо мной открылась замкнутая чаша-амфитеатр, укрытая отвесными утесами от северных ветров. Здесь стояли исполины. Настоящие чайные деревья! Двадцать могучих стволов толщиной в человеческое бедро поднимались вверх на четыре с лишним метра, раскинув кроны с темно-глянцевой листвой и крупными рубиновыми почками. В ботанике считалось, что древовидные формы на Кавказе вымерзают, но эти деревья жили здесь десятилетиями.

— Боже мой... — прошептала я. — Секретная селекция тридцать восьмого года...

Пока я выбирала дорогу, обшаривала взглядом мокрые камни. Когда обернулась к лазу, среди корней самшита блеснуло серебро. Сюда, под верхнюю террасу, спускалась полоска свежего гравия. Пинцет мог скатиться вместе с ним. Я наклонилась — на щечке блеснула знакомая гравировка!

Я присела за пинцетом. Под ногой шевельнулся замшелый камень; я качнулась к трещине и вцепилась в корень самшита. Разбитая ладонь обожгла болью.

— Руслан! — вырвался отчаянный крик.

Самшит за спиной с треском раздался. Руслан раздвинул ветки, подхватил меня под локоть и отвел от трещины, прижав к себе.

— С ума сошла?! — зарычал он, тяжело дыша от дикого страха за меня. — Куда полезла одна?!

— Там был пинцет...

— Плевать мне на пинцет! — оборвал он и вдруг замер, оглядевшись по сторонам. Ярость на его лице сменилась глухой, настороженной замкнутостью. — Как ты нашла эту лошину?

— По запаху... Руслан, что это за исполины?

— Тайна Соколовых, — неохотно ответил он, сжав желваки. — Прадед посадил их весной тридцать восьмого по секретному заданию Наркомзема. Искали морозостойкое дерево. Во

время войны прадед погиб под Керчью, семья сохранила делянку. Дед потом ее выхаживал. Кроме нас с дедом, сюда никто не ходит. Если Валуев проведает — снесет ее первой.

Я потеряла рубиновый побег между пальцами:

— Руслан, какой плотный аромат! Такой лист стоит проверить в лаборатории и заварить отдельно от обычной «Колхиды». Это чай мирового уровня. Если соединить его с твоей ферментацией — он возьмет Гран-при на любом мировом конгрессе!

Руслан разжал челюсти, медленно перевел взгляд с меня на деревья. Я уже перебирала возможные проливы, стараясь представить, как раскроется этот лист.

Вдруг я вгляделась в соседний побег под лучом фонарика, который Руслан достал из кармана:

— Руслан, смотри! Тонкая паутинка и спиральные закрутки на черешках. Чайная моль-листовертка! Через двое суток личинки сожрут точки роста на всех почках!

Он побледнел под слоем загара:

— Химикатами нельзя — сожжем лист перед сбором. Что делать?

— Есть древний юньнаньский рецепт: чистая березовая зола, крутой отвар полыни и мыльный корень. Сначала снимем скрученные листья и соберем личинок вручную. А настой проверим на отдельной ветке, вдали от конкурсного сбора. Я сама приготовлю раствор!

Руслан выдохнул и кивнул:

— Зола есть в амбаре. Мы спасем их, Женя.

Он поднял серебряный пинцет из самшитовых корней, обтер о рубашку. Я протянула ладонь, но он покачал головой. Расстегнул пуговицу кармана прямо напротив своего сердца, бережно опустил инструмент внутрь и застегнул клапан:

— Отдам, когда вместе заварим этот чай в моем доме. А пока ты на моей земле, Евгения... ты под моим залогом.

Сердце пропустило удар. И в этот миг снизу тишину гор взорвал протяжный, яростный рев автомобильного клаксона.

Руслан мгновенно подобрался, взгляд стал острым как сталь:

— Аслан... Сигнал тревоги на меже. Они пришли.

Мы оставили чашу и побежали на сигнал, срезая повороты.

### Глава 3. Под моей крышей

Мы бежали вниз по тропе, закрывая лица от хлеставших веток. Сумерки накрывали ущелье Мацесты густым синим бархатом. В воздухе отчетливо запахло дизельным чадом, жженой резиной и чужой, наглой силой.

У нижних ворот плантации старый деревянный шлагбаум лежал разбитым в щепы. На меже у исторического каменного столба с датой «1938» стояли три тяжелых тонированных «Ленд Крузера» и колесный трактор с гидравлической бурильной установкой холдинга «Лазурная Вершина». Вокруг выстроились восемь рослых бойцов ЧОПа в камуфляже с электрошокерами и телескопическими дубинками.

В центре стоял начальник охраны Козырев в охотничьем костюме:

— Опускай бур! Бурите шурф прямо по корневой меже! Снесем склон под ЛЭП!

Тяжелый стальной шнек с визгом вонзился в сланец у корней вековых кустов.

— Назад, твари! — яростный рев Руслана перекрыл грохот дизеля.

Метнувшись к хозяйственному прицепу у ворот, он выдернул полутораметровый граненый лом и встал перед трактором, закрыв кусты собой:

— Еще один сантиметр в сторону кустов — и я пробью блок цилиндров вместе с вашими головами! Пошли вон с моей земли!

Боевики ЧОПа на миг дрогнули перед дикой мощью великана, но Козырев усмехнулся и достал лист с печатью:

— Угомонись, фермер. Постановление главы района номер сто четырнадцать. Публичный сервитут. Взять его!

Трое громил двинулись вперед, беря Руслана в клещи. Козырев цинично расстегнул куртку, положив ладонь на рукоять пистолета. Руслан готов был драться насмерть, а трое уже обходили его с боков.

— А ну стоять! — крикнула я, выскакивая между ними.

Я вырвала бумагу прямо из пальцев опешившего Козырева и развернула к свету фар:

— Какой публичный сервитут?! Здесь указан соседний квартал лесного фонда! Я видела номер участка Соколовых в материалах к контракту — он другой! Вы бурите чужую землю, прикрываясь чужой бумагой! Это увидят и полиция, и прокуратура!

Козырев побагровел от бешенства:

— Заткнись, девка! Отойди, пока цела!

— Я Евгения Северская! — я вскинула над головой смартфон с горящим индикатором записи. — В моем блоге шестьсот сорок тысяч подписчиков. Запись уже в прямом эфире; моя управляющая отправляет ее журналистам! Вот ваше лицо, Козырев! Вот номера машин! Любое насилие — и материалы ложатся на стол Генерального прокурора!

Боевики в панике начали отворачиваться от объектива, пряча лица в воротники.

— Глушилку врубай в машине! — взвизгнул Козырев. — Ломайте их обоих!

Двое шагнули ко мне, заноса дубинки. Руслан шагнул вперед, заслоняя меня плечом, замахнулся ломом...

И в этот миг сверху по серпантину раздался оглушительный, чудовищный рев дизеля.

Из-за скального поворота выполз тяжелый гусеничный трелевочник с бульдозерным отвалом. За рулем сидел Аслан, а массивный клиновидный стальной отвал был опущен к самой земле.

Аслан дал сигнал. Водитель головного джипа выскочил из кабины и бросился к своим. Бурильщик поднял шнек.

Стальной отвал уперся в борт оставленного «Крузера». Металл заскрежетал: Аслан вытолкнул джип в кювет, перекрывая бурильщику путь к кустам. Тракторист дернул машину

назад; поднятый наспех шнек зацепил борт, лопнул гидравлический шланг, масло хлестнуло на камни. Бур повис, захлебнувшись визгом. Бурильщик бросил рычаги и прыгнул на землю.

Из лесной чащи с монтировками и цепями выбежали двадцать чаеводов во главе с дедом Макаром:

— Наших бить?! В клочья порвем!

Наемники ЧОПа в ужасе бросились врассыпную. Козырев, перемазанный грязью и маслом, ввалился в уцелевший внедорожник:

— Газуй!

Машина с пробуксовкой рванула вниз по серпантину. Из окна донесся истеричный вопль:

— Мы вернемся с тяжелыми бульдозерами, Соколов! Сожжем твою гору дотла!

Из кювета шипел разбитый радиатор. Чаеводы обступили тягач Аслана, кричали, хлопали его по плечам.

А меня вдруг накрыла слабость. Колени подогнулись, дыхание перехватило, мир поплыл перед глазами от пережитого шока.

Руслан бросил лом и бережно подхватил меня под локти:

— Держись, Женя... Все закончилось. Мы выстояли.

Мы вместе навалились на тяжелые дубовые створки въездных ворот усадьбы и захлопнули их. Кованный железный засов со звонким щелчком встал в пазы.

Руслан смыл копоть с предплечий у рукомойника, отер лоб холщовым полотенцем и повернулся ко мне в теплом свете зажженных керосиновых фонарей. Его горячие пальцы бережно стерли полоску глины с моей щеки:

— Ты выдержала кручу, Евгения. А потом встала между мной и оружием. Ты спасла нас. Я посмотрела ему прямо в глаза, чувствуя, как у его сердца лежит мой серебряный пинцет:

— Мы спасли гору вместе, Руслан.

В его янтарном взгляде вспыхнула новая, обжигающая решимость:

— Сбор ты выдержала. Межу отстояла. Но в корзинах стынет весенний флеш. Теперь посмотрим, хватит ли у тебя сил выстоять эту ночь у раскаленных печей.

Он распахнул передо мной тяжелую дверь сушильного амбара, откуда тянуло сухим жаром, смолистым деревом и пьянящим ароматом подвяленного листа. Ночь только начиналась.

Во дворе за запертыми дубовыми воротами усадьбы воцарилась глухая, тревожная тишина. Ночь стремительно сползала с отрогов хребта Ажек: воздух остывал прямо на глазах, до четырнадцати градусов, наливаясь сырой речной прохладой, запахом омытых дождем пихт и густым смолистым духом свежесобранного чайного листа.

В ушах еще пульсировал адреналиновый гул — рев дизеля трелевочника Аслана, треск сминаемого металла валуевского внедорожника и мой сорванный криком голос. Но стоило штурму захлебнуться, а тяжелым створкам отрезать нас от погони, как взвинченные нервы отпустили, и меня накрыла свинцовая усталость.

Тело ломило, словно после камнедробилки. Пальцы одеревенели: подушечки были содраны острыми сланцевыми сколами, в порезы въелась горная грязь, а сок чайных побегов превратил трещины в пылающие раны. Я споткнулась о порог сушильного амбара, едва удерживая равновесие.

— Тихо, Женя. Держу, — низкий, рокошующий голос Руслана прозвучал над ухом.

Его широкая ладонь подхватила меня под локоть, возвращая на ноги. Он бережно провел меня вглубь просторного бревенчатого помещения и усадил на широкую дубовую скамью у стены.

Сушильный амбар походил на древний ковчег. Высоченные венцы из толстых бревен уходили под стропила, где ровными ярусами покачивались десятки полутораметровых бамбу-

ковых сит. Воздух здесь был сухим, теплым, наполненным сладковатым ароматом подвяливающегося флеша, медовым духом разнотравья и терпкой смолой старой древесины. В полумраке мягко мерцали керосиновые лампы.

— Сиди. Не шевелись, — негромко приказал Руслан, опускаясь на одно колено прямо передо мной.

— Мне нужно разложить партию... — я попыталась встать. — Лист начнет преть, пойдет спонтанное окисление...

— Партию разложим за десять минут. Но если сорвешь руки — завтра некому будет дегустировать пролив.

Он принес глиняную чашу с теплой водой и поставил ее передо мной.

— Опusti ладони.

Я инстинктивно отдернула руки к груди, пряча ободранные пальцы. Столичная привычка держать глухую оборону шептала: не показывай слабости.

— Я сама справлюсь, Руслан. Это обычные царапины...

— Сначала смоем грязь. Покажи, где глубже порезано, — твердо произнес он.

Руслан бережно перехватил мои тонкие запястья. Его пальцы — широкие, жесткие, в мозолях от железа и камня, — оказались поразительно теплыми. Он плавно погрузил мои пылающие ладони в теплую воду.

Я выдохнула сквозь зубы и постепенно расправила пальцы. Вода стекала между пальцами, унося глину и чайный сок.

— Кипяченая вода, остудил, — пояснил Руслан, осторожно омывая каждый мой палец. — Дед после сбора первым делом велел руки промыть. Давай теперь из аптечки возьмем повязку.

Промокнув мои руки вафельным рушником, он достал баночку из темного аптечного стекла. Комнату наполнил плотный аромат майского пчелиного воска, кедровой живицы и прополиса.

Руслан зачерпнул густую янтарную мазь и стал медленно, круговыми движениями наносить ее на целые участки моих ладоней. Его большие руки двигались с поразительной нежностью. Кожа под воском стала мягче; на глубокие ссадины Руслан наложил чистые повязки. Мое сердце сбилось с ритма. Защищаясь от нахлынувшего смущения, я попробовала отшутиться:

— В Москве за подобный спа-уход с меня содрали бы треть выручки клуба.

Руслан посмотрел на меня. В полумраке керосинки его карие глаза светились теплым огнем:

— Ты сегодня рисковала жизнью на круче, Женя. Легла костями за плантацию, которая даже тебе не принадлежит. Для меня твои руки сейчас дороже всего золота побережья.

Я прикусила губу и опустила взгляд на его склоненную голову. Слова застряли в горле.

— А теперь — за дело, — он поднялся, шагнул к стеллажам. — Чай ждать не станет.

Мы подошли к корзине со свежим флешем. Руслан потянул за канат, открывая вентиляционный люк в коньке кровли, но я тронула его за плечо:

— Подожди. Посмотри на керосинку.

Пламя в подвесном фонаре дрожало, отклоняясь к северной стене под углом градусов в тридцать.

— С ущелья бьет холодный верховой сквозняк, — указала я на жалюзи. — Если поток ударит по нижним ярусам, испарение влаги пойдет неравномерно. Края подсохнут, а середина останется влажной.

Руслан внимательно оценил наклон огня, одобрительно кивнул и перехватил пеньковые стропы, прикрывая бамбуковые щиты с севера. Пламя керосинки моментально выпрямилось золотой стрелой. Тяга сделалась плавной и ровной.

— Лиственничный сруб сорок третьего года, — с гордостью сказал Руслан, когда я погладила сухое теплое бревно стены. — Рубили женщины и подростки, пока мужики добивали врага на перевалах. Бревна три года сушили после вымачивания в рассоле. Они днем впитывают зной, а ночью греют амбар, забирая лишнюю сырость. Дед проверял зимой: тепло держится до утра.

Я надела тонкие пищевые перчатки поверх повязок. Мы начали раскладку на круглые полутораметровые сита: Руслан зачерпывал горсти сбора, а я распределяла побеги тонким слоем. Наши кисти то и дело соприкасались. Зеленый шелк побегов отзывался переливчатым сухим шелестом.

— Старики говорили: живой лист должен шуметь, как мелкая галька под тихой морской волной, — улыбнулся в полутьме Руслан. — Если звенит — сырье живое.

— Звенит, — выдохнула я.

Когда третье сито заняло свое место, партия лежала безупречным зеленым ковром.

Мы вышли во двор. Влажный ночной ветер тут же пробрал сквозь тонкую хлопковую рубашку, заставив меня вздрогнуть. Руслан молча снял со своих широких плеч тяжелую фланелевую рубашку в крупную клетку и укутал мои плечи. Плотная ткань, пахнувшая костром, можжевельником и его телом, согрела меня в одно мгновение.

— Пойдем в дом, Женя. Пора ужинать.

Через двор мы прошли к каменному дому, и я прижимала его рубашку к груди.

За этим столом мне предстояло рассказать ему об Игоре. Я подняла глаза на Руслана и крепче запахла его рубашку.

## Глава 4. Серебряный Ключ

Я приблизилась к очагу и согрела ладони, прежде чем сесть за стол Руслана.

Каменный дом Соколовых дышал вековым покоем. Толстые стены из дикого серого песчаника, мореные дубовые балки под потолком и огромный открытый камин, где гудели жарким пламенем дубовые поленья.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.